

✦ Классическое наследие

АЛЬФРЕД РЕДЖИНАЛЬД РЭДКЛИФФ-БРАУН

ЕСТЕСТВЕННАЯ НАУКА ОБ ОБЩЕСТВЕ*

Автор отстаивает положение, что должна быть одна общая теоретическая наука о социуме. Такая наука должна изучать общество как функционально и структурно согласованное; этот тезис иллюстрируется на примере тлингитов. Рассмотрев природу и типы абстракций в науке об обществе, автор выделяет как один из важнейших для нее типов абстракций структурные принципы. В качестве иллюстрации приводится подробный анализ принципа справедливости. В завершение книги предлагаются основные выводы. Приложение содержит основные тезисы, раздававшиеся участникам семинара в качестве материала для обсуждения.

The author advances a proposition that there should be only one common theoretical science of society. This science must study society as functionally and structurally consistent; this thesis is illustrated by Tlingit Indians. After considering the nature and types of abstraction in a social science the author brings forward structural principles as one of the most important types of abstraction in a science of society illustrating his argument with a detailed analysis of the principle of justice. The book ends with conclusions. The appendix consists of the main theses of Radcliffe-Brown's lectures which were distributed as a material for discussion among the participants of the seminar.

Ключевые слова: теоретическая наука об обществе, абстракция в социальной науке, социальная система, функциональная согласованность, структурная согласованность, структурные принципы социальных систем, принцип справедливости.

Keywords: Theoretical science of society, abstraction in social science, social system, functional consistency, structural consistency, structural principles of social systems, principle of justice.

Может быть только одна социальная наука

Одно из положений, которые я отстаиваю, состоит в том, что если наука об обществе возможна, то это должна быть единая общая наука. Я считаю, что у нас не может быть самостоятельных наук о праве, об экономике, о политике и т.д. и что такие науки, поскольку они являются теоретическими, в отличие от науки практической должны стать частью единой общей науки об обществе. Вполне допускаю, что могут существовать самостоятельно *практическая* наука о праве, а также практические науки об экономике, о политическом управлении и т.д. Это совершенно верно. Но я настаиваю

* Окончание публикации. Начало см. в: Личность. Культура. Общество. 2010. Т. 12. Вып. 1-3 (№№ 53-58). Перевод сделан по изданию: Radcliffe-Brown A.R. A Natural Science of Society. Chicago: University of Chicago Press, 1957.

на том, что если должна быть *теоретическая* наука об обществе, в которой мы бы непосредственно искали естественные законы, то такая теоретическая наука о человеческом обществе может быть только одна, и это ни в коем случае не психология.

Прежде всего, можно сказать, что вся наука едина. Можно сказать, что наука распознает в мире несколько больших классов систем. По-настоящему удовлетворительным методом разграничения наук — и, стало быть, точным, ясным и научным методом — является различение их по тем системам, которые они изучают и относительно которых каждая из них делает обобщения. Мы можем собрать все системы в один класс и говорить о классе всех систем. Или можно взять, скажем, все механические системы, микро- и макроскопические, и получить науку о механике; или можно рассмотреть движение тел на земле и движение тел на небе по отдельности, и тогда мы получим земную и небесную механику; кроме того, можно выделить еще молекулярную механику. Все системы механики всегда будут определяемыми в терминах массы и движения, не будучи при этом определяемыми никаким иным способом. Далее следуют по порядку изучение электрических систем, атомных систем, клеточных систем, органических систем, генетических систем. Наука в целом в любой момент ее истории будет подразделяться исходя из различных типов систем, которые будут в это время изучаться. Это единственный удовлетворительный способ дифференциации одной науки от другой, и провести такое разграничение вполне возможно.

Отсюда вопрос, являются ли социальные системы, как я их определил, системами одного общего типа или их полезно было бы подразделить на другие, такие, как экономические системы, политические системы и т.д. Раз уж мы прибегаем к абстракции, благодаря которой распознаем социальную систему, то нельзя ли осуществить еще одну целесообразную абстракцию, с помощью которой мы разбили бы эту систему на части и получили целый ряд подразделений, каждое из которых конституировало бы отдельную социальную науку?

Решение должно определяться фактическим материалом. Если мы хотим рассмотреть возможность разделения и установления ряда социальных наук, то первым, чего мы потребуем, будет точное определение систем — исследуемых экономистами, политическими учеными, социологами и т.д. Я думаю, при этом бы выяснилось, что в действительности все они изучают социальную систему, но в различных формах абстрагирования.

Насколько обоснованны эти абстракции? Насколько целесообразно разбивать систему и отделять экономические виды деятельности от всех других видов деятельности социальной системы? Ответить на этот вопрос можно лишь путем исследования действительного фактического материала. Работает ли эта абстракция как теоретическая абстракция? Я уже принял в качестве допущения, что это абстракция практическая.

Экономисты до сих пор остаются единственными, кто осуществил такие абстракции и применил их. Следовательно, нам будет достаточно рассмотреть пример экономистов. Экономист находит возможным и целесообразным иметь дело лишь с некоторыми актами поведения, изучать их и делать обобщения. Возникает вопрос: «Какого рода обобщения он получает и каковы границы их применимости?» Мы обнаруживаем, что они применимы лишь к некоторым обществам. Экономика — единственный случай, который мы рассмотрим; этого будет достаточно. Если экономика не может существовать сама по себе как теоретическая наука, то это же са-

мое относится к политической науке и т.д. Теоретическая наука будет нацелена на определение всех социальных систем.

Экономика не может быть отдельной теоретической социальной наукой

Рассмотрим закон (который некоторые экономисты теперь отвергают): закон, согласно которому существует отношение взаимозависимости между спросом на блага некоторого вида, предложением благ этого вида и ценой, по которой эти блага обмениваются. Считается аксиомой, что предложение, спрос и цена связаны друг с другом и изменение в чем-то одном вызывает изменение во всех других. Это совершенно верно — для некоторых обществ.

Перейдем теперь к очень простому обществу. Есть постоянные рынки, где продукты земли — ямс, копра и т.д. — обмениваются на рыбу и другие дары моря. Вы выясняете, что когда выдается неурожайный год и урожай ямса оказывается очень скудным, то же самое количество рыбы все-таки обменивается на то же самое количество ямса. Вы могли бы рассудить, что раз рыбы очень много, а ямса очень мало, то за меньшее количество ямса можно получить гору рыбы. Вы с изумлением узнаете, что единственной вещью, которая остается постоянной, является цена. Если десять лет назад я мог получить за десять рыб один клубень, то я могу получить столько же сегодня и смогу получить столько же через десять лет. Возможно, нелегко будет отыскать ямс, но если я его найду, я все еще должен буду уплатить за него не больше рыбы, чем тогда, когда не было засухи. Важной вещью, тем, что считается здесь существенным, будет наличие предельно возможной стабильности цен.

То, что действительно делают общества, ожидая уплаты некоторой цены за свои товары, есть фундаментально характерное поведение. Возьмем человека с улицы в Соединенных Штатах, который привык к изменениям цены по мере колебаний на рынке. Он рассчитывает бюджет; была засуха, и, следовательно, за кусок говядины ему придется платить больше; тогда он балансирует свои покупки, меняя в них пропорции говядины и свинины. Сравним его поведение с поведением человека из примитивного племени, где главная цель каждого — сохранить цены неизменными. Допустим, вы ему говорите: «В этом году ямса маловато, придется тебе платить больше рыбы». Он был бы вне себя от возмущения. Он не стал бы балансировать бюджет. Суть в том, что, описывая то, что действительно происходит в обыденной экономической процедуре в одном обществе, а затем в другом, вы получаете характерно разные последовательные формы поведения. Вы могли бы сказать, что в одном обществе люди не признают уместность соотношения предложения и спроса: им важно сохранять цены неизменными. В другом обществе люди признают уместность этого соотношения.

Разумеется, вы полностью разрушите экономику такого государства, настаивающего на стабильности цен, если обвалите его валюту. Например, несколько лет назад в Новой Гвинее предложение собачьих зубов было в целом ограниченным. Немцы твердо решили все купить. Они ввезли целый корабль собачьих зубов. Местные жители два-три года ходили совершенно потерянные и ошеломленные — даже еще более чем ходили бы мы, если бы Рузвельт вдруг решил купить все золото в мире. Последовала паника, ибо здесь была экономика, в основании которой лежала идея стабильного обмена. Цена товара считалась справедливой ценой, чем-то постоянным — чем-то, что заложено в самой природе вещей.

По-настоящему интересно здесь следующее: если мы исследуем природу теоретической науки об обществе, то в каком отношении находится экономика ко всей

остальной ее части? Является ли экономика чем-то отдельным или дает формулировку такого знания, которое может быть включено в целое? Стоит ли она совершенно особняком или связана с целым такой связью, что будет давать форму знания, которую можно совместить с другим знанием и получить тем самым завершенную науку? Это проблемы философии науки.

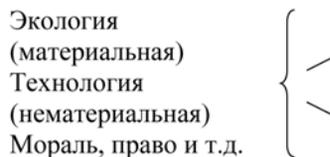
Являются ли экономические отношения социальными отношениями или нет? Социальное отношение существует между любыми двумя лицами или группами всякий раз, когда между ними есть хотя бы какое-то взаимное приспособление интереса. Приспособление интересов, или коаптация, происходит в животных обществах на основе инстинкта, а в человеческих — на основе культуры, или социальных обычаев. Экономические отношения либо являются социальными отношениями (в этом смысле), либо нет. Но если они таковыми являются, то они — часть той науки, которую я в общих чертах описал. Я бы сказал: да, это социальные отношения. Я бы сказал, например, что отношение между мной и человеком, собирающим кофейные зерна на горном склоне в Бразилии для изготовления того кофе, который я в конечном счете пью во время завтрака, — это социальное отношение.

Возьмем для примера еще одну простую процедуру, существующую в примитивном обществе. Человек, желая выразить свою дружбу, приносит другому дар, и тот его принимает. Последний чувствует себя обязанным принести в ответ дар приблизительно равной ценности (и, очевидно, именно здесь в человеческую жизнь входит простейшая форма оценивания благ). Рано или поздно он приносит ответный дар. Здесь вот что произошло: произошло совмещение интересов. Вы обнаруживаете, что обмены дарами определенно используются как механизм поддержания некоторых типов отношений между некоторыми лицами. Вы находите, что в каком-то племени он используется для поддержания отношения между братом матери и сыном сестры; в другом — между зятем и тестем и т.д. Вы находите некоторый набор отношений, и они определенно социальные, поскольку связывают индивидов друг с другом; они суть социальная коаптация на основе обмена благами.

Точку зрения антрополога на то, что он называет экономическими отношениями, определить довольно легко.

Прежде всего, существует целый набор отношений, или особый аспект социальных систем, который можно назвать экологическим. Я не говорю, что экология может существовать как самостоятельная наука. Максимум чем она может быть — это существенной частью аналитического описания общества в целом. Общества можно классифицировать на основе их экологий, то есть с точки зрения того, имеем ли мы дело с охотниками и собирателями, пастушескими, аграрными, промышленными обществами и т.д.

Следом за экологией мы имеем технологию, и ее нужно разделить на две части: материальную и нематериальную.

К нематериальной технологии относятся методы: ведения войны, образования и т.д. Нематериальные технические процедуры не связаны с производством материальных вещей. В образовании может использоваться учебная доска, но методами его являются методики обучения. Технические методы общества — это некоторые из его социальных обычаев, зависящие от социальной структуры. Методы, которые вы применяете к себе, зависят от социальных отношений; уж образовательные методы — совершенно точно.

Материальная и нематериальная технология явным образом связана с чем-то еще — с корпусом обычаев, регулирующих права и обязательства, — обычаев, контролирующих акты производства благ и способ, которым они распределяются. Как только вы рассматриваете обращение благ, выясняется, что экология и технология соединены с правами собственности, законами и моралью; вы имеете связь экологии и технологии с некоторым множеством социальных обычаев, посредством которых обращаются произведенные технологией блага. Когда вы берете кооперативное предприятие — оказание помощи в изготовлении каноэ на Андаманских островах, обмен услугами, всеобщую взаимопомощь и обмен дарами — и рассматриваете их с точки зрения функционирования общества в целом, вы замечаете, что этими явлениями устанавливается определенное распределение деятельностей и удовлетворений.

Деятельности и удовлетворения нужно различать. Если кто-то нежится на солнце, перед нами тот случай, когда деятельность и удовлетворение заключены в одном индивиде, и такие случаи нас не интересуют. Мы можем, между тем, брать общество за обществом и изучать, как распределены в них деятельности и как распределены в них удовлетворения. Не знаю, то ли это, чем интересуется экономист. Но это то, что интересует антрополога. Именно здесь и только здесь пересекутся их линии исследования.

Некоторые экономисты пытаются, на мой взгляд, дать аналитические описания нынешних экономических систем как функциональных систем. Я бы критиковал их за то, что иногда они принимают односторонний взгляд. Есть два аспекта, исходя из которых можно определить функционирующую экономическую систему. Во-первых, как реально распределяются удовлетворения и деятельности: внимание при этом сосредоточено на действительных благах и действительно распределяемых услугах. Другой аспект направляет внимание на коаптацию индивидов, вытекающую из этого распределения и в то же время составляющую его основу. Скажем, в простом обществе есть система вождей и простолюдинов. Вожди заняты видами деятельности, считающимися «высшими»: религиозными, политическими и т.д. Они не добывают пропитание. Все пропитание обеспечивают простолюдины. Вожди получают больше произведенных благ, чем простолюдины, и притом лучшие из них. Я бы обратил внимание на то, что эти две проблемы — как обращаются блага и как этим устанавливаются и поддерживаются отношения между индивидами — не следует обособлять одну от другой. Более того, из этих двух проблем отношения между индивидами я считаю более фундаментальными. Распределение благ в каком-то смысле вторично.

Сравнительная эпистемология не может быть отдельной теоретической наукой

Антрополог обнаруживает, что в любом исследуемом им обществе есть космология, а именно некоторое множество представлений о природе мира в целом. Нет такого общества, где не было бы хоть какой-то космологической схемы, и от обще-

ства к обществу, от эпохи к эпохе космологии меняются. Такие космологии можно изучать совершенно объективно. Для такого исследования важно, однако, чтобы мы избегали употреблять слово «знание» и говорили просто о «представлении», или «веровании» (belief). Если бы я, обсуждая космологию австралийских аборигенов, употреблял в отношении их представлений о связи человека с животными, то есть тотемизма, слово «знание», меня, должно быть, поняли бы так, будто я имею в виду, что их представления достоверны и истинны. Мне как антропологу этого делать не следует; нельзя мне и предполагать, что они ложные. Если австралийцы верят в Великого Законодателя, установившего в начале времен социальную систему, в которой они теперь живут, то не мое дело говорить, что «это ложно», так же как не мое дело говорить, что «это истинно». Я должен лишь исследовать данное верование как феноменальную реальность. Когда мы это делаем, мы можем разделить представления на типы и заметить, что в примитивном обществе научному знанию или представлению нашего общества соответствуют свои формулировки естественных законов; в обоих случаях представления лежат в основе применяемых в обществе технических процедур. С другой стороны, есть еще корпус представлений, лежащий в основе ритуала и находящий свое выражение в самом ритуале и в мифологии. Эти различные формы представлений, взятые в совокупности, дают нам космологию, или некую концепцию мироздания.

Есть принципиальная разница между логикой как исследованием истины и логикой как предметом сравнительного изучения, за исключением того, что мы пользуемся логикой при изучении последней, которая в противном случае остается областью *априори*. Если мы сравниваем действительные логические процессы (люди разных сообществ не делают из одних и тех же посылок одни и те же выводы), то, как мне кажется, ученому не следует говорить, являются ли процедуры поиска истины истинными или ложными. Он *может* сказать: «Здесь все мышление построено на аналогиях. В нашем современном мышлении мы пользуемся определенными типами аналогий, причем делаем это определенными способами; здесь применяются другие аналогии, и используются они иначе». Возьмем аналогическое мышление, лежащее в основе древней китайской философии. Можно неопровержимо доказать, что оно подчинено логическому процессу, о котором попросту глупо говорить, истинный он или ложный. Возьмем китайское представление о «ян» и «инь» как о началах добра и зла, силы и слабости, мужского и женского. Оно во многом напоминает понятие единства противоположностей у Гераклита. На основе схваченных противоположностей человек приходит к классификации всех вещей: дня и ночи, зимы и лета, света и тьмы. Все в мире втягивается в эту классификацию: горы и озера, реки и моря.

Итак, имеется система логики — целостная система обращения с аналогиями. Мне кажется, ученому здесь есть что исследовать; эта система важна для китайской цивилизации, определяет всю ее социальную жизнь и определяется ею сама. Но ученый не имеет права говорить, применима ли эта система к миру, истинна она или ложна. Если он это делает, он привносит что-то подобно тому, как если вдруг говорит австралийцам, что предавать смерти семиюродных брата и сестру, которые поженились, абсурдно. Существенное, необходимое условие всякой естественной науки состоит в том, что все оценки, будь то этические или логические, должны быть отброшены. Поэтому я считаю, что никогда не будет благом рассуждать о «знании» —

например, говорить, какое из представлений истинно: Солнце вращается вокруг Земли или Земля вокруг Солнца. Не дело антрополога решать такие вопросы.

Особый раздел нашей науки, занимающийся представлениями, которых придерживаются целые общества, я бы назвал сравнительной эпистемологией, то есть сравнением разных типов представлений. Одно из критических замечаний в отношении скромной работы, сделанной в этой области Леви-Брюлем, Парето и другими авторами, состоит в том, что она обесценивается фактом введения в нее неуместного вопроса о том, являются ли представления, с которыми они имеют дело, истинными или ложными. Вместо того чтобы изучать эти представления в терминах логики, мы напрямую применяем к ним нашу систему логического мышления. Так, Леви-Брюль говорит о пралогическом мышлении, Парето — о нелогическом, а с научной точки зрения это неверно.

Антрополог может изучить связь примитивной космологии в целом с «наукой», то есть с тем примитивным знанием, которое лежит в основе технических процедур. Он обнаруживает, что эти две вещи вполне определенным образом связаны и что эту связь можно доказать. Думаю, то же самое можно сделать для каждого общества. Имеется взаимодействие между совокупностью научных, или технологических, представлений, существующих в любой данный момент времени, и космологическими представлениями этого времени, и это взаимодействие — действительная взаимосвязь. Любое изучение такой взаимосвязи не зависит от вопроса о логической связи между научными и космологическими представлениями, но только от функциональных связей между ними.

Опять-таки, сравнительную эпистемологию нельзя отделять от общей лингвистики, поскольку один из важных факторов в определении того, что и как люди думают, — это набор категорий, содержащихся в их языке, который они могут не вполне сознавать, но которым будут пользоваться. Невозможно проследить логическую процедуру китайца, если не принять во внимание характеристики китайского языка. Здесь есть корреляция — не случайная, а необходимая — между типом эпистемологии и лингвистикой китайца. Хотя вы в какой-то степени можете трактовать логику саму по себе, рано или поздно возникнут проблемы, для решения которых придется рассмотреть язык и логику вместе.

Утверждать, что эпистемологию можно трактовать как отдельную науку, значит занять, на мой взгляд, абсолютно ложную позицию. Я категорически утверждаю, что это неправильно. Я убежден, что верования и идеи народа в любой данный момент времени могут быть поняты лишь при условии, что вы будете знать всю функционирующую систему. (Я не стал бы говорить: «Вы не можете узнать ничего, пока не узнаете все», — но сказал бы: «Вы не можете узнать всего о чем-то, пока не узнаете все».)

Возьмем для примера австралийское племя. Австралийцы дают вам объяснение начала мира, очень похожее на наше собственное: «Да, был такой период, когда мир обрел свою форму». Затем они расскажут вам о местах на своей территории, содержащих в себе некоторую силу, или могущество: в одном месте вы обнаружите скалу или яму, наполненную водой, в которой содержится жизненная сила какого-то вида (скажем, кенгуру), в другом будет заключена сила другого вида; и порядок мира продолжает существовать лишь при условии, что в надлежащее время года выполняют надлежащие ритуалы, дабы эта жизненная сила распространялась по всей земле и кенгуру и прочие виды численно умножались. Это особые представления, кото-

рых придерживается конкретный народ. На первый взгляд они кажутся ошибочными. Тем не менее я мог бы доказать вам, что на этих ошибочных представлениях держится вся социальная структура этого племени. Разрушив эти верования, вы разрушите всю структуру. Вся система отношений людей друг с другом поддерживается и сохраняется совокупностью особых представлений и идей, примерами которых являются только что упомянутые.

Везде в мире социальная система будет продолжать существовать лишь при определенных условиях, и одним из этих условий является сохранение особой совокупности космологических представлений. Это я и имею в виду, говоря, что именно космология, как бы ошибочна она ни была как картина мира, придает рациональный смысл совокупности способов поведения, конституирующих систему кооптации данного конкретного общества. Это можно доказать. По крайней мере, я могу доказать это для некоторых обществ и предположить относительно других. Поэтому я утверждаю, что, изучая любой корпус представлений или знаний отдельно от его функциональной связи с социальными обычаями и социальной структурой в целом, мы теряем реально значимый ключ к пониманию того, что этот корпус представлений означает.

Социального ученого не интересуют частные мнения отдельного индивида. Его интересует корпус представлений, бытующих в обществе, который получает некоторое признание в этом обществе или в одной из его групп. Изучая австралийские тотемические верования, вы никак не можете опираться лишь на сведения, полученные от какого-то отдельного индивида. Некоторые индивиды могут дать вам такие сведения. Например, когда я путешествовал по Западной Австралии, региону, в котором практически исчезла вся фауна, один местный житель сказал мне, что виной тому наверняка скваттеры, из-за которых местным жителям пришлось прекратить тотемические церемонии. Я обратил его внимание на тот факт, что кенгуру не вымерли. Он сказал: «Ну да, должно быть, кто-то продолжал совершать церемонии». Такие представления не могут быть постигнуты логическими процессами науки. В нашей культуре к причинам вымирания тех или иных видов добираются путем логического размышления. Большинство наших нынешних представлений, однако, не выводятся логически. Таких общих представлений, которые были бы выведены логически, в нашем обществе сравнительно немного. Я принял доктрину Троицы, но не потому, что она логична, а потому, что меня этому научили, когда я был еще маленьким мальчиком. Австралийские верования, ничем не отличаясь в этом отношении от наших, обладают всей силой и авторитетом общества, которое за ними стоит. Индивид принимает их не в результате проб и ошибок, а потому что это нечто такое, что он должен принять. Эти представления нужно изучать независимо от логичности индивида, который их придерживается. Как он к ним приходит — часть нашего исследования. Очевидно, его им научили, когда он был маленьким мальчиком. Они придают его жизни ценность. Поэтому он так им верен.

Нам нет необходимости объяснять фактические представления того или иного общества, например австралийских аборигенов, но нам нужно сравнить это общество с другими обществами, дабы определить, какая существует связь между космологией народа и его целостной социальной структурой. Это можно сделать должным образом, только сравнив несколько разных примеров, взятых, например, из Австралии, Китая и Африки. Мы можем провести ряд таких сравнений и разрабо-

тать ряд абстракций. Мы можем, если зайдём достаточно далеко, изучить все человеческое общество. Далее мы можем установить общий закон отношений между космологией и социальной структурой. Мы можем, например, уже сейчас сделать какие-то обобщения относительно космологии и развития технологии. Часто задают вопрос: «Как вы объясняете представления австралийских аборигенов?» Тут есть два объяснения. Одно историческое: эти представления выросли определенным образом как результат серии случайных событий. Процесс истории всегда случаен. Другое объяснение следует искать в отношениях, во взаимосвязи этих представлений с целостной структурой, в той взаимосвязи, которую я называю структурной согласованностью.

Функциональная согласованность социальной системы

Понятие функциональной согласованности – принципиально важное для социальной науки.

Допустим, мы хотим изучить общество. Скажем, мы отбираем – как подходящую единицу для изучения – тлингитов северо-западного побережья. Можно распознать это общество как совершенно конкретную дискретную вещь. Можно определить всех индивидов, которые являются тлингитами, и тех, которые ими не являются, и тем самым определить, что тлингиты расселены на некоторой ограниченной территории. Вы описываете общество. Что вы описываете?

Вы будете описывать социальную структуру – социальную структуру индейцев тлингитов. Сюда будет входить *указание на то*, что у них есть некоторые локализованные группы (домохозяйства, объединенные в деревни), родственные группы (полвины, кланы и т.д.) и, кроме того, определенные регулируемые и стандартизированные диадические отношения. Это даст вам общие очертания социальной структуры.

Вы можете *описать* эту структуру полностью – но только описав весь комплекс социальных обычаев, а также (если вы составляете полное описание) характерное внутреннее поведение, насколько вы можете его определить, то есть представления, чувства, идеи, бытующие в обществе (то, что обычно называют психологией общества).

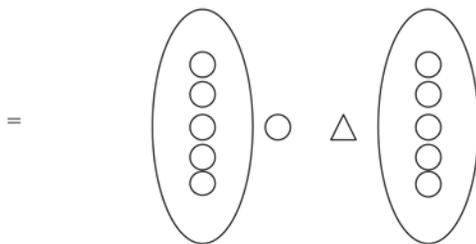
Я утверждаю, что есть система, лежащая в основе этих обычаев, которая явно не представлена в таком описании, что есть цепочки взаимных реакций между свойствами этого общества, связывающие их воедино. Какова природа этой взаимосвязи? Обладают ли все эти части единством, и если да, то в каких терминах это единство надо описывать? Моя концепция известна: мы можем описать его в терминах согласованности. Чтобы определить, какого *рода* эта согласованность, и отделить ее от *логической* согласованности, которая есть лишь один из видов согласованности, я предлагаю следующее.

Низший уровень согласованности является таковой лишь в негативном смысле. Одно из первейших условий устойчивости систем состоит в том, чтобы не было заметной несогласованности между любыми из характеристик системы, при которой они постоянно входили бы друг с другом в конфликт. Этот сугубо негативный аспект согласованности в обществе означает, что в его целостной организации нет ничего, что слишком уж конфликтовало бы с чем-то другим, или, точнее говоря, каким-либо образом оказывалось в конфликте с индивидами этого общества; речь идет о реакции общества, а не антрополога.

Второй уровень согласованности существует, когда одна часть целостной системы предполагает другую или другие ее части. Существует взаимодействие между ними. Каждая укрепляет другую.

Давайте рассмотрим конкретный институт: потлач у тлингитов. У них существуют две половины: Орел и Ворон. Если какая-то семейная группа на этой стороне хочет построить дом, она не может сделать это сама; ее члены должны попросить людей с другой стороны, чтобы они его построили. За это *они* должны отплатить большим пиршеством и крупными подношениями даров. Если люди с той стороны хотят построить дом, они должны поступить таким же образом. Вы не можете даже похоронить собственного покойника или поднять тотемный шест; для этого вы должны привлечь «другую сторону». Другая сторона должна удостоверять ранг ваших детей. Очевидно, что здесь, в потлаче, мы имеем экономический обычай — механизм, обеспечивающий оборот благ через масштабные подношения даров. Но изучая лишь экономические стороны этого института, вы совершаете искусственную абстракцию: извлекаете его из контекста и отнимаете у него его актуальную действительность. Можно продемонстрировать, что потлач есть нечто гораздо большее.

Прежде всего, в нем оказывается затронуто существование половин, кланов, ранга и деталей, сопутствующих рангу, — шляп, гребней, права на определенное имя для вашего дома и т.д. Довольно легко можно показать, что система потлача — это система, посредством которой поддерживается существование всей структуры родства и всей системы рангов в социальной структуре. Все в целом продолжает функционировать благодаря потлачу. Сама социальная структура поддерживает потлач, а потлач наполняет живой силой социальную структуру. Между ними существует отношение взаимодействия. Поддержание структуры требует выполнения потлача с некоторой заданной регулярностью. Обмен благами можно связать с клановой системой, родством, рангом. Можно продемонстрировать это взаимодействие, приняв во внимание уже одно только родство, которое здесь держится на кросс-кузенном браке, то есть браке между людьми с этой и той стороны. Ребенок из дома вождя, находящегося на этой стороне, должен вступать в брак с ребенком из дома вождя на той стороне. Дети от такого брака будут получать свой ранг через потлач этого дома и того дома. Эти люди передают тем горы имущества, и наоборот. В то время как две эти группы соревнуются друг с другом в избавлении от благ, каждая из них служит опорой ранга другой в целостной системе ранжирования семей.

Если вы обратитесь к системе верований, чувств и идей, то увидите, что потлач, помимо всего прочего, связан с целым рядом мифов. Некоторые из них лишены смысла до тех пор, пока мы не соотнесем их с потлачем, а некоторые черты потлача остаются бессмысленными, пока мы не свяжем их с мифологией.

Здесь мы имеем типичный пример чего-то, характерного для общества вообще. Системой, которая изначально вас интересовала, была система обмена благами. Однако, анализируя ее, вы обнаруживаете, что, прежде чем закончить анализ, вы изучаете в полном объеме всю социальную структуру и проводите всестороннее изучение идей и представлений этих людей. Потлач даже каким-то непонятным образом входит в юридическую процедуру. Он играет особую роль, когда совершаются преступления; группы, несущие за это ответственность, могут возместить ущерб, либо став объектами мщения, либо посредством потлача.

Можно предложить сотню других иллюстраций взаимодействия между элементами общества. Анализируя общество как целое в отношении какого-то одного аспекта, вы все находите связанным с этим аспектом. Лучшую иллюстрацию можно взять у Малиновского. Он говорил: «Давайте возьмем это общество и проследим все воздействия, которые оказывает на него пол», то есть половое сожительство. Он обнаружил, что для полного охвата этой области пришлось бы изучить все тробрианское общество. Одри Ричардс, одна из его учениц, сказала: «Давайте отследим следствия питания по всему обществу и увидим, где оно нас затрагивает». И опять оказалось, что питание затрагивает нас в любой точке общества; питанием тоже все связывается воедино.

Положение, которое я отстаиваю, состоит в том, что общество в этом смысле является системой и что в любом возможном описании общества или того, что конституирует культуру, все характеристики функционируют вместе более или менее согласованно. Степень согласованности от общества к обществу меняется. Низший уровень — то есть отсутствие всяких конфликтов — представляет собой порядок, к которому, на мой взгляд, близки многие простейшие общества. Затем, есть еще порядок, в котором части структуры, включая характерную для этого общества космологию, тесно сотрудничают в упрочении друг друга и поддержании структуры. В этом последнем смысле я, рассматривая тлингитов, говорил, что они имеют систему.

Но система тлингитов схожа с системой хайда, проживающих к югу от них. Наш анализ будет полнее, если рассмотреть также и хайда. Социальные обычаи хайда в некоторых отношениях отличаются от обычаев тлингитов. Если проанализировать хайда, сравнить две системы и устранить вариации, то можно будет определить систему, относительно которой тлингиты и хайда являются двумя частными случаями.

Разумеется, мы прибегли к абстракции. Каждая из систем — тлингитов и хайда — исключительно сложна, и в целях сравнения каждую необходимо было разбить на множество абстрагированных характеристик. Но в первую очередь слово «система» применяется к такого рода обществу не в смысле тотальности абстрагированных характеристик, а в смысле, предполагающем, что для всей совокупности элементов данного общества характерно нечто, называемое нами функциональной согласованностью.

Структурные принципы социальной системы

Абстракция в социальной науке

В любой науке мы используем некоторое число абстрактных принципов, направляющих наши размышления и помогающих формулировать гипотезы, а впоследствии проверяемых через соотнесение с конкретным корпусом эмпирических данных. Какими должны быть абстракции в социальной науке? Мне кажется, «абстракцией» можно пользоваться несколькими способами.

Один из процессов того, что иногда называют «абстрагированием», я уже проиллюстрировал. Я говорил о тлингитах и хайда, что они очень похожи друг на друга. Я предположил, что, изучив тех и других, сравнив их социальные системы и устранив различия между этими социальными системами, можно определить *тип*, который можно было бы назвать системой тлингитов-хайда, и в отношении него каждая из них являлась бы частным случаем. Это была бы не система тлингитов и не система хайда, а абстракция от реальных конкретных систем. Это один из смыслов, в каком можно употреблять слово «абстракция». И это тот самый смысл, в каком мы его употребляли, говоря об австралийском племени как о соответствующем некоему единому типу. «Тип» здесь означал примерно то же самое, что и «абстракция». Разумеется, «абстракция» в этом смысле имеет большое значение для рассуждения.

В другом смысле это слово употребляется, когда говорят, что в обществе можно абстрагироваться от всей тотальности поведения и вычленишь, скажем, экономическое поведение, а затем изучать его само по себе. В этом случае вы абстрагируете из конкретной системы определенную ее часть, которую называете экономической жизнью, с тем чтобы изучить ее как таковую. Так вот, этот тип абстракции, о котором я сейчас говорю, обоснован лишь отчасти: он обоснован в разной степени для разных социальных феноменов и никогда не бывает полностью обоснован в том смысле, что вы могли бы создать отдельную науку об экономике, политике или сравнительной религии. Вы можете изучить экономические институты, абстрагировав их от остальной социальной системы, с которой имеете дело, и получить какие-то важные результаты. Но полная и наиболее полезная их значимость не будет ясна до тех пор, пока вы не соотнесете ее со всем остальным знанием о социальной системе.

Есть еще третий смысл «абстракции», на мой взгляд, самый важный. Абстракция в этом смысле — это процедура, посредством которой мы выделяем, вычлениаем из социальной системы некоторый структурный принцип, находимый в одном обществе, в другом, в третьем, и тем самым в конце концов, если был правильно отобран материал и правильно проведено абстрагирование, получаем возможность сформулировать нечто, являющееся универсальным структурным принципом всех человеческих обществ. Эта формулировка будет достигаться в процессе рационального размышления и соотнесения его с эмпирическими данными. Затем мы можем перейти к проверке абстрактной формулировки, применив этот принцип к различным обществам и изучив его вариации, проявляющиеся в некотором множестве конкретных случаев. Я бы предложил взять в качестве примера этого типа абстракции то, что я называю принципом справедливости (*justice*); его, я уверен, можно — в указанном смысле — абстрагировать из социальных систем и изучить сам по себе.

Говорили: «Универсальные свойства всех обществ обусловлены особой природой человека, его силами и слабостями». В каком-то смысле — да, но в другом — нет. Особые черты характеризуют общество благодаря тому, что общества упорядочены в структуры. Точно так же, как структуры атомов варьируют, но, несмотря на это, во всех атомах проявляются определенные структурные черты, так и структуры обществ тоже варьируют, и все же есть, на мой взгляд, в обществах некоторые структурные принципы, являющиеся универсальными. Думаю, многие из этих принципов мы еще не знаем. Мне кажется, единственно возможным способом, с помощью которого можно их выявить, является эмпирический, а не рациональный процесс. Пожалуй, можно привести пример — не с целью проиллюстрировать обобщение, поскольку

я его не знаю, а чтобы проиллюстрировать тот корпус материала, который приходится изучать для обобщения фундаментальных структурных принципов человеческого общества.

Социальная структура есть некоторая аранжировка социальных отношений, в которой приспособлены друг к другу интересы разных индивидов и групп. Совершенно ясно, что в любом обществе одним из механизмов поддержания этого приспособления является система права. Можно говорить, что функцией права является поддержание социальной структуры путем постоянного переприспособления интересов индивидов друг к другу. На мой взгляд, мы вправе сказать, что есть ряд основополагающих структурных принципов, которые если уж и можно из чего вывести, то не из природы человека, а из фундаментальной природы человеческого общества. Как фундаментальную природу атомов нельзя вывести из исследования одного атома, так и фундаментальная природа общества, на мой взгляд, не выводима из индивидуальной человеческой природы.

Абстрактный структурный принцип справедливости

Принципом, максимально приближающимся к тому, что я назвал бы абстрактным структурным принципом, и характеризующим, на мой взгляд, все социальные системы, является принцип справедливости.

Для социального ученого такого рода принцип не должен становиться предметом этической дискуссии. Не его дело решать, какой должна быть справедливость. Его дело лишь выяснить, какие действительные принципы нашли проявление и в каких формах они репрезентируют справедливость в разных обществах. Мы собираемся употреблять слово «справедливость» так, как оно употребляется разными обществами в отношении некоторого круга явлений, не обращая внимания на то, что считаем справедливым мы сами как индивиды, способные к этическим суждениям.

Этот анализ подведет нас очень близко к выводу, что справедливость — это то, как трактовал ее Иммануил Кант: «Человек, творящий зло, должен страдать от зла, а тот, кто творит добро, должен быть вознагражден». Это теория воздаяния — особого рода теория справедливости. Кант считал, что это этически твердая позиция, которую можно принять. Некоторые философы считают, что у Аристотеля дается более прочное теоретическое обоснование понятия справедливости. Между позициями Канта и Аристотеля социальный ученый не выбирает. Его интересует, как в прошлом поступали люди в плане осуществления справедливости и организации своих социальных отношений в этом аспекте. Что люди в прошлом действительно очень часто делали, так это следили за тем, чтобы люди, поступившие дурно, за это страдали.

Я считаю, что в человеческих обществах есть принцип справедливого воздаяния. Как осуществляется этот принцип в качестве универсального принципа социальных структур — вот наша проблема. Он не замыкается в самом себе и, следовательно, всегда модифицируется другими принципами, которые входят в него, воздействуют на него или действуют вместе с ним. Он обнаруживается в той или иной форме в каждом человеческом обществе, которое мы достаточно хорошо знаем, а потому мы можем анализировать общества, пользуясь им как нашим направляющим принципом.

Как именно он может модифицироваться, ясно видно в некоторых более простых обществах. В них, строго говоря, нет справедливости между братьями. Отношение между братьями должно быть отношением братской привязанности и не тре-

бует, чтобы им руководила справедливость. В племенах Австралии просто принимается, что некоторые отношения нет нужды регулировать справедливостью, так как они регулируются любовью. Христианство тоже предлагало отказаться от справедливости ради любви. Справедливость может попирацца рангом. То, что справедливо для *A*, вовсе не обязательно справедливо для *B*, если *B* занимает низшую позицию. Тем не менее, несмотря на эти модификации, мы все-таки получим общий принцип, соответствующий данному типу.

На самом деле мы можем вывести из этого принципа второй принцип: эквивалентного возмещения. Он, каким мы наблюдаем его в человеческом поведении, имеет в действительности три формы.

A причиняет ущерб *B*. Тогда на сцену выходит справедливость и говорит, что теперь *B* имеет право получить сатисфакцию за причиненный ему ущерб: *B* наделяется правом причинить ущерб *A*. Таков закон *талиона*. Важно, что здесь, возможно, впервые в человеческой истории привносится понятие количества. Величина ущерба, который *B* имеет право причинить *A*, не может превышать величину того, который *A* причинил *B*. Око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь. Если я выбил у тебя один зуб, ты не имеешь, стало быть, права выбить у меня пять.

Во второй форме этого принципа *A* приносит пользу *B*, и в этот момент на *B* ложится обязанность принести пользу *A*, а *A* вправе ожидать получения равной по ценности пользы. Эту форму мы имеем во взаимопомощи, когда люди помогают друг другу справляться с проблемами. В японской деревне, например, когда мужчина хочет построить дом, собираются все его соседи и помогают ему в строительстве. Когда сосед хочет построить дом, вы идете и помогаете ему. На Андаманских островах, когда мужчина хочет вырезать каноэ, каждый приходит ему помочь.

Эта форма обсуждаемого принципа обнаруживается также в широко распространенной особенности примитивной жизни, а именно — обмене дарами. *A* преподносит дар *B*, а позднее *B* приносит *A* ответный дар, обладающий чуть большей ценностью.

Третья форма этого принципа проявляется в возмещении причиненного ущерба. В данном случае *B* возмещает ущерб, причиненный *A*, выплачивая ему компенсацию.

Общий структурный принцип, проходящий сквозной нитью через все эти институты, — принцип эквивалентного возмещения: добром за добро, злом за зло или, как в последнем случае, возмещение ущерба. Вы замечаете, что в форме «добром за добро, злом за зло» он пронизывает все обычное поведение примитивных племен, а позднее в форме «возмещения ущерба» входит в более сложные общества, в которых имеется в той или иной форме правовая система. В третьей форме он явно представляет собой принцип, лежащий в основе исков о возмещении ущерба в гражданском праве. Этот принцип немного меняется и несколько усложняется, когда вы изучаете *A* и общество в целом. *A* совершает преступление, вызывающее негодование *общества в целом*. Здесь этот принцип проявляется как основополагающий принцип уголовного права и выражается в наказании за преступление. Это один и тот же основополагающий принцип, пронизывающий все социальное поведение человека, но меняющийся от общества к обществу.

Я бы сказал, что такого рода принципы, если к ним рационально прийти и эмпирически их проверить, окажутся систематически связанными с другими струк-

турными принципами. Вопрос в том, получаем ли мы из этих принципов несколько наук или единую науку? Мне кажется, что в целом они складываются в единую систему. Если бы мы смогли, например, показать, что принцип справедливости дает нам систематические утверждения о праве, то его можно было бы затем совместить с принципом искупления и получить адекватное описание огромной массы религиозных явлений. Без каких-либо значительных добавлений принцип справедливости может дать нам также фундамент для экономической теории, а именно теорию ценности и цены. Если удастся это доказать путем рационального анализа и применения его к эмпирическим данным, то выйдет, что мы, имея вначале один-единственный абстрактный принцип – принцип простой справедливости, – свяжем его в итоге с правом, религией и экономикой.

Понятие искупления тоже, по всей видимости, является универсальным структурным принципом. Конкретные формы этого принципа разнятся. Если *A* совершает проступок, а затем сам испытывает муки, то злодеяние, которое он совершил, нейтрализуется, полностью изглаживается и аннулируется. Возможно, это утверждение неточное, ибо в некоторых формах искупления трудно увидеть наступление страдания. Например, в примитивном обществе мужчина делает что-то такое, что навлекает на него ритуальное загрязнение. Затем он подвергает себя определенным ритуальным процедурам, обычно заключающим в себе наложение ограничений на его поведение; это может быть какое-то личное неудобство. Когда это заканчивается, его преступление изглаживается, дурной поступок уничтожается. Уголовное правосудие тоже может рассматриваться как искупление.

Индивид совершает преступление, подвергается наказанию; он искуплен, злодеяние устранено. В религии индивид, как говорят, совершает грех; он переживает раскаяние и исполняет епитимью – сам навлекает на себя состояние несчастья, – пусть временно, и мы опять-таки говорим, что зло искуплено. Это довольно сложное понятие. Те, кто знаком с примитивными народами, признают, что оно сочетается с принципом справедливого воздаяния. *A* причиняет ущерб *B*; в ответ *B* причиняет ущерб *A*. Тогда говорят, что *A* искупил свое преступление. Он может, например, позволить *B* ткнуть его копьём в бедро. Как только это сделано, его проступок считается искупленным. Если человек подчиняется предписанному возмездию, никто отныне не вправе держать на него обиду. Этот принцип вы найдете в ритуальной процедуре, в религии, в магии; он будет варьировать от простых форм до самых сложных.

В нашей религии он принимает в высокой степени проработанную форму искупления грехов. Все люди, будучи грешниками, должны страдать. С точки зрения справедливости, коли мы все согрешили, то все заслуживаем наказания. Но искупление не отдается индивидуальному выбору каждого из нас. Сын Божий, воплотившись и пойдя на смерть, искупил тем самым все наши грехи. Жертва со стороны самого бога есть не только в этом случае, но и в некоторых других: например, в случае Осириса, Диониса, Орфея. Однако особое понятие греха и искупления в такой крайней сложной конфигурации характерно прежде всего для христианской теологии.

Принцип справедливости, как я говорил, может быть применен с некоторыми модификациями для разработки экономической теории цены и ценности. Это одна из проблем, являющаяся, теоретически, проблемой социальной науки.

В теоретической социальной науке нас интересует то, как действительно определяются и регулируются цены в данном обществе. Мы узнаем, что оборот благ в

любом обществе всегда протекает в соответствии с фундаментальным принципом равноценного и честного обмена. Даже в более простых обществах, где нет купли-продажи, обнаруживается, тем не менее, обычай обмена дарами на основе справедливого эквивалентного возмещения. *A* дает что-то *B*, выражая свои дружеские чувства. Если *B* откажется принять дар, то это будет выражением его вражды; если же он примет его, то это будет ратификацией его дружеского расположения. На *B* возлагается, следовательно, обязанность сделать ответное приношение — чего-то, что, по его мнению, немного ценнее того, что он получил. *Вы* всегда стараетесь отдать в ответ *немного* больше, чем получили, чтобы сохранить лицо. Не намного больше, а именно немного больше, чтобы не дать потерять лицо *A*. Не потерять лицо очень важно. Если я даю вам что-то стоимостью пять долларов, а вы даете мне что-то, стоящее десять, я должен пойти и раздобыть еще что-нибудь стоимостью шесть долларов, чтобы дать это вам. Опять-таки, необходимо, чтобы вы были способны оценить стоимость подаренного и могли сказать: «Эта вещь равноценна той».

Как бы ни была верна при определенных условиях теория спроса и предложения, она не дает нам объяснения того, как реально определяются цены в огромном множестве случаев. Возьмем Чикаго в лето господне 1937-е. Допустим, вы оказались здесь, и вам нужно мягкое слабительное средство, содержащее соль. Вы можете знать, что фосфат натрия как раз и есть такое средство. У вас две альтернативы. Одна — пойти в универсальную аптеку, где вы можете купить его в 25-фунтовых упаковках по 1,5 доллара за упаковку. Либо вы можете отправиться в аптечный магазин на ближайшем углу и купить упаковку «Сумасшедших кристалликов», которая обойдется вам в 1,5 доллара за 14 унций. Профессор Чикагского университета говорит, что разницу между тем, что вы получите в одном случае, и тем, что получите в другом, можно назвать «субъективной ценностью». Это очень важный фактор в современном обществе. Очевидно, что здесь кроется нечто большее, чем просто вопрос предложения и спроса.

Я предполагаю, что если вы проанализируете проблему справедливой и должной цены, той самой, при которой можно сказать, что обмен честен, то обнаружите, что эта цена определяется множеством всевозможных факторов, заключенных в целостной социальной ситуации. Так, наряду с принципом справедливости существует модифицирующий фактор, выраженный одной знаменитой американской женщиной в словах: «Не дай простофиле шанса опомниться».

Итак, я бы предположил, что регулирование обмена осуществляется взаимным приспособлением интересов на базе эквивалентного возмещения, что механизмом обмена благами является механизм соотношения интересов с целью создания того, что я назвал социальной коаптацией. В более простых обществах вы находите обмен дарами, где-то — бартер, где-то — покупку.

В любой социальной системе будут как минимум два пути достижения адекватного приспособления вовлеченных в обмен индивидуальных интересов.

Имеется представление, что для поддержания постоянства социальных отношений между персонами желательно наличие некоторого стандартного набора ценностей, которые бы никогда не менялись, дабы каждый всегда мог знать, какова ценность данной вещи. Чтобы интересы были реально приспособлены друг к другу, должен быть удовлетворен *A* и должен быть удовлетворен *B*. *A* должен быть удовлетворен тем, что полученное им по крайней мере равноценно тому, что он отдал, а *B* дол-

жен быть удовлетворен тем, что не отдал слишком много. В исходной ситуации между *A* и *B* возможны разногласия; они могут не достичь удовлетворительного приспособления своих интересов. Один из способов так стандартизировать поведение, чтобы споров и разногласий не возникало, — стандартизировать ценности.

Один из базисов такого взаимного приспособления был по-разному адаптирован большим числом обществ: это стандартный набор меновых ценностей. Можно взять в качестве примера пшавов, один из народов Кавказа, и их фиксированные ценности для выплаты компенсаций (см. прим. 1). Вы платите компенсацию, если нанесли кому-то ущерб или совершили против кого-то иной проступок. Дабы суммы компенсаций могли быть установлены точно, они фиксируются в головах крупного рогатого скота. У вас может не оказаться достаточного числа коров. Чтобы можно было осуществить выплату другими товарами, существует ряд фиксированных ценовых пропорций для перевода этих товаров в головы крупного рогатого скота. Кобыла стоит 4 коровы (в переводе на русские деньги 20 рублей; 1 корова = 5 рублей). Ружье стоит 20 коров, или 100 рублей. Конь стоит 10 коров; мул — 8 коров; сабля — 7 коров; $37\frac{1}{2}$ мер меди — 3 коровы. Так что в суде вас могут приговорить к уплате 24 коров, в действительности же вы отдаете только одну, а остальное выплачиваете мулами, саблями, медью.

В обществе этого типа очень важно, чтобы поддерживалось стандартное соотношение ценностей. Это общество нашло способ достичь приспособления интересов на основе принципа справедливости — и этот способ работает, функционирует.

С другой стороны, существует совершенно другой метод достижения приспособления интересов. В обществе, которое его принимает, могут сказать: «Да, когда товаров на рынке полным-полно, мы будем продавать дешевле, но когда их не так уж много, они должны расти в цене». То, что вы находите ряд обществ, принимающих этот метод приспособления, не будет, однако, означать, что закон спроса и предложения — универсальное свойство всех человеческих обществ. С помощью логики и исследования фактов мы можем установить, что есть и альтернативные механизмы.

На самом деле, может возникнуть конфликт между двумя механизмами приспособления: стандартным набором ценностей и соотношением спроса и предложения как определяющим фактором справедливой цены. Например, в примитивном обществе есть фиксированное меновое соотношение между ямсом и рыбой. Но предложение ямса в некоторые годы отклоняется от нормального. В условиях напряженной система может работать не так хорошо. Может возникнуть конфликт и, в конце концов, компромисс, но вес традиции ляжет на чашу поддержания фиксированного соотношения ценностей.

Какой бы принцип мы ни взяли — фиксированную цену, переменную рыночную цену, «не дай простофиле шанса опомниться» или какой-то другой, — все это примеры того, как действительно устанавливаются цены. Принципы варьируют лишь в соответствии с разными стандартами того, что расценивается в разных социальных системах как справедливое. Все они возвращают к одному основному моменту: необходимости, чтобы интересы индивидов были взаимно приспособлены. Это приспособление базируется на том, что сами люди воспринимают в данном обществе как справедливость, на том, что они считают подходящей ценой. Они должны чувствовать, что то, что они в обменах получают, в каком-то смысле эквивалентно тому, что они отдают. Тогда складывается удовлетворительная ситуация. Но если кто-то

чувствует, что получает меньше, чем отдает, ситуация неудовлетворительна. Возможно такое общество, в котором огромное множество индивидов всегда пытается получить больше, чем отдает, и в этом случае они готовы быть несправедливыми, пока несправедливость не приведет к открытому противоборству.

Я предложил теорию экономической ценности, относящую понятие оценки благ, услуг и ущербов к одному фундаментальному принципу. Возможно, этот принцип — общий структурный принцип, характерный для всех человеческих обществ, может быть, даже необходимый структурный принцип. Я имею в виду «необходимый» не в логическом смысле, а в том, что, возможно, он окажется характерным для всех человеческих обществ, которые когда-либо существовали или могут существовать. Такой принцип, если его сформулировать и адекватно проверить, можно перевести далее в постановку целого ряда вопросов, с ним связанных.

Выводы

Я выдвинул несколько положений. Первое из них состояло в том, что теоретическая естественная наука о человеческом обществе возможна. Второе положение состояло в том, что может быть только одна такая наука. Третье — в том, что такой науки еще не существует, за исключением самых элементарных ее начал. Четвертое положение, которое кажется мне важным, состояло в том, что решение любой из фундаментальных проблем такой науки должно опираться на систематическое сравнение достаточно большого числа обществ разных в достаточной степени типов. И последнее положение гласило, что, стало быть, развитие этой науки в настоящее время зависит от постепенного совершенствования сравнительного метода и оттачивания его как инструмента анализа. Это потребует непрерывного улучшения наших методов наблюдения и описания обществ, разработки и точного определения основных понятий, необходимых для описания, классификации и анализа социальных феноменов, а также развития систематической классификации типов обществ. Я попытался проиллюстрировать эти положения примерами. Одно положение — а именно второе, что может быть только одна такая наука (которое на самом деле тесно связано с четвертым, что решение любой из фундаментальных задач такой науки должно опираться на систематическое сравнение достаточного числа обществ разных типов), — остается, возможно, недостаточно рассмотренным.

Рассмотрим первое положение. В каком смысле мы можем говорить, что науки отличаются одна от другой или являются подразделами единой науки? В каком-то смысле вся наука едина. Самый удовлетворительный, рациональный, логичный способ разграничить науки — это определить их в соотношении с типом систем, с которыми каждая из них имеет дело. Следовательно, если в реальности есть такие системы, которые я определил как социальные системы, то может быть и естественная наука о человеческом обществе. Если эти системы можно отграничить от психических систем, то наука об обществе будет принципиально отличаться от психологии. Она будет отличаться от нее так же, как физиология отличается от химии, поскольку физиолог исследует класс систем, отличный от класса систем, изучаемых химиком, а обобщения, которые делает каждый из них, характеризуют только те особые системы, которые он исследует.

С другой стороны (и это касается моего второго тезиса), вправе ли мы сказать, что в пределах области, охватываемой изучением социальных систем, могут быть

выделены отдельные подобласти, не определяемые как отдельные системы? Есть ли подразделы науки об обществе, которые могут существовать как относительно самостоятельные дисциплины, способные сами находить достоверные обобщения — обобщения, которые не придется выбросить за борт, когда область, к которой они относятся, будет соотнесена с другими областями науки об обществе? В целом представляется, что подавляющая масса характеристик, обнаруживаемых в науке о социальных системах, такова, что нельзя разделить части этой области для отдельного их изучения, кроме как, может быть, в немногих отдельных случаях.

Наиболее очевидным случаем, где такое разделение уместно, является, как мне кажется, изучение языка. Лингвистика как систематическое исследование социальных обычаев, контролирующих речь, может изучаться в значительной степени без соотнесения с остальной наукой об обществе и приносить при этом важные выводы. Это обусловлено самой спецификой отношений, связывающих язык с обществом. Я допускаю возможность того, что социальная система будет оставаться почти неизменной в своей общей конституции, в то время как язык, на котором говорят в ней люди, будет меняться. Скажем, люди, говорящие по-гэльски, перенимают во времена римского завоевания латынь. Я готов допустить, что такое изменение могло произойти без того, чтобы вызвать с необходимостью фундаментальные изменения в социальной системе в целом. Что в языке реально важно, так это то, что он позволяет индивидам общаться друг с другом. Стало быть, это механизм коаптации. Природа языка, однако, не такова, чтобы всерьез воздействовать на социальные отношения, которые устанавливают между собой люди, когда друг с другом общаются. Следовательно, язык можно изучать в значительной степени независимо от характеристик всего остального общества. Дело обстоит не совсем так, как утверждает Мейе в очерке «*Comment les mots changent leur sens*». Он доказывает, что изменения в значении слов часто можно напрямую связать с изменениями в структуре общества. Тем не менее я убежден, что лингвистика стоит особняком, имея свою особую вотчину. На факультете антропологии Чикагского университета общая лингвистика рассматривается как отдельная научная область, за исключением того, что с ней часто сочетается историческая лингвистика; это представляется весьма удобным соединением дисциплин.

Каким методом пользуется лингвист? Разумеется, сравнительным: лингвист будет изучать как можно больше разных типов языков, дабы суметь получить обобщения, которые будут достоверными для языков всех типов, где бы они ни существовали.

Экономика тоже претендует на то, чтобы быть в том или ином смысле отдельной наукой. Предъявляет такие притязания и политическая наука; по крайней мере, она располагает отдельными факультетами. Социология считает, что экономическая и политическая науки в нее не входят, хотя трудно сказать, где между ними проводится разграничительная линия. Социология включает криминологию и пенологию, которые *можно* было бы рассматривать как отдельные дисциплины. Историю мы не включаем в число наук. Наука о праве трактуется в юридических учебных заведениях не как часть социальной науки, а как отдельный предмет. Сравнительная религия преподается в теологических семинариях и на факультетах антропологии, иногда как самостоятельный предмет.

В социальной науке мы можем найти обособление права, религии, экономики, политики и т.д. В принципе мыслимо, что каждое из названного может быть пред-

метод отдельной науки. В сравнительной религии принят сравнительный метод; в экономике — нет, в полном смысле сравнительного метода, как я его описал. Не принят он, в целом, и в политической науке. Хотя есть предмет, называемый сравнительной политикой, его сравнениями обычно охватываются только европейские страны и иногда еще греческие города-государства. Если проанализировать, чем реально занимаются в американских университетах под вывеской политической науки, то мы увидим, что политическая наука вообще не является (да и явно не претендует быть) теоретической наукой о чем бы то ни было. Это практический предмет, сосредоточенный на практических проблемах, собирающий систематическую информацию, с тем чтобы прямо привязать ее к практическим задачам: как организовать политическую партию, как улучшить Чикаго. Если бы политика затребовала для себя статус отдельной теоретической науки, ее бы наверняка спросили: «А как ты сможешь отделить политический аспект социальной жизни от ее правовых институтов? Как сможешь отделить в ранних формах социальной жизни политические институты от религиозных?» Сделать это невозможно. Когда вождь африканского общества является одновременно верховным жрецом и судьей, когда все три его аспекта рассматриваются в единстве, вы должны принять в расчет его религиозные и судейские функции как значимые факторы.

Социология в американских университетах — тоже, на мой взгляд, по большей части практический предмет. Криминологию точно нельзя считать теоретической наукой. Она изучает особый круг вещей. Ее основная забота состоит в том, чтобы систематизировать знание в связи с практическими проблемами.

Если мой аргумент правилен, то практический предмет нельзя назвать практической наукой, если он не базируется на теоретической науке. Я приводил в пример медицину — практическое исследование, систематически проводимое как средство упорядочения практики. Если теоретической науки, на которой бы базировалось практическое исследование, не существует, то это практическое исследование вынуждено опираться на обобщения здравого смысла и на эмпирическое знание. В древней медицине врач опирался в медицинской практике на традиционный метод проб и ошибок; если это работало, то, значит, это было правильно. Его на самом деле так и называли: эмпириком. Лишь когда медицинская наука развила физиологию, патологию, биохимию, медицина стала практической наукой, ибо стала базироваться на теоретической науке. Криминология в наши дни не является практической наукой, поскольку не базируется на теоретическом знании; в лучшем случае, она может быть лишь эмпирической. По мнению д-ра Адлера из Чикагского университета, наши эмпирики не очень-то преуспевают; они ориентируются на практическую науку, но сами при этом непрактичны.

Касательно экономики я бы предположил, что весьма значительная и наиболее ценная ее часть — это описание действительных экономических условий современного общества. Ее задачей является в значительной мере практическое руководство: как организовать дело, как руководить банком. Экономика станет практической наукой тогда, когда ее фундаментом станет теоретическая социальная наука. Если и поскольку существует теоретическая наука об экономике, возникает вопрос, самостоятельная это наука или один из подразделов общей теоретической социальной науки. Я считаю, что она — подраздел, хотя, возможно, и более разविшившийся, чем другие.

Мое третье положение гласило, что теоретической науки об обществе в действительности еще не существует, и, вероятно, пройдет немало времени, прежде чем она возникнет. Приведу коротко мои доводы в пользу этого мнения.

Первый и, на мой взгляд, наименее важный связан с явной внутренней сложностью самого предмета. Часто говорят, что явления, которыми науке об обществе приходится заниматься, настолько сложны, что к ним, возможно, нельзя применить методы естественной науки. Подобным образом люди в Средние века считали феномены грома и молнии настолько сложными, что якобы безнадежно даже пытаться исследовать их природу. С точки зрения средневекового человека, это было правильно; с точки зрения Франклина и современного электрофизика – нет. Сложность материала не является веским аргументом. Однако освоение области социальной науки требует от ученого знакомства с таким огромным множеством фактов, что он должен принимать во внимание сложность и в количественном смысле.

Мой второй довод в пользу рассмотрения теоретической науки об обществе как далекой возможности кажется мне гораздо более важным. Дело в том, что есть одно общее препятствие для развития такой науки: ошибка историзма – представление, что правильным способом интерпретации фактов человеческой жизни является историческое объяснение. Историческое объяснение считается единственно достоверным и, в силу его достоверности, достаточным. Этой точки зрения придерживаются многие антропологи в Америке и других частях мира. Естественно, это точка зрения историков. Ее позиции настолько крепки, что она служит реальной помехой для развития социальной науки. Первая склонность почти у всех из нас – мыслить в исторических терминах.

Третьим препятствием является психологическая иллюзия; и, вообще говоря, я даже не знаю, что хуже, ибо, как правило, эти две ошибки тесно переплетаются, и невозможно точно сказать, которая из них встала на пути. Психологическая иллюзия – это представление о том, что социальную жизнь составляет, в конце концов, поведение людей, а, следовательно, объяснение действий индивидов и есть объяснение социального поведения. Этот силлогизм на вид идеален. Но если моя аргументация была правильной, то я могу сослаться на утверждение, выдвинутое в 1895 г. Дюркгеймом, что любое суждение о социальных явлениях, сделанное в психологических терминах, то есть в терминах психических характеристик индивидов, нет нужды даже принимать во внимание, поскольку мы знаем, что оно ложное с самого начала. Это, как мне думается, один из выводов, к которому я здесь пришел. Смутное представление, будто социальные явления можно объяснить в терминах какой бы то ни было психологии, пусть даже под *nom de guerre* Социальной Психологии, – третье препятствие (см. прим. 2).

Четвертым препятствием служит тот факт, что практическая наука, то есть практика, взывает к сердцам тысяч людей, тогда как теория апеллирует к одному. Чего люди обычно требуют от университетов, так это такого рода исследований, которые Бэкон называл плодоносными, в противоположность светоносным. Люди хотят исследований, не ведущих к теориям, а приносящих непосредственные результаты. Ситуация, в которой оказалась социальная наука, представляется такой же, в какой находились алхимия и металлургия во времена Бойля. Именно Бойль превратил их в настоящую науку. В высшей степени интересно его резюме тогдашнего состояния знания, приведенное в «*Сомневаемся химике*».

Все исследования природы субстанций проводились ради совершенствования практики, в том числе в металлургии, с целью найти лекарства от болезней или эликсир жизни либо с целью отыскать философский камень для превращения других металлов в золото. Бойль говорил: «Пока мы следуем в этих направлениях, мы никогда не приблизимся к науке. Давайте начнем все заново, совершенно иначе, не обращая никакого внимания на практические результаты. Давайте займемся светоносным исследованием, дабы увидеть, что можно узнать о свойствах субстанций просто ради того, чтобы это знать». В результате принятия этой установки скептику Бойлю и его сподвижникам успешно удалось создать за двадцать лет науку химию. Мы находимся в ситуации, когда требования *практических* результатов столь настоячивы, что чисто теоретической науке о человеческом обществе вряд ли будет уделено в наше время сколь-нибудь много внимания.

Наконец, и это тесно связано с другими препятствиями, есть помехи, представляемые эгоистическими интересами существующих социальных наук. Социологи, политические ученые, экономисты, правоведы следуют каждому в своем направлении без какой-либо координации исследований и даже без какого бы то ни было желания ее достичь, создавая ситуацию, в которой сама институциональная структура в большей или меньшей степени исключает возможность теоретической науки об обществе. Именно поэтому ей пришлось искать убежище на факультетах антропологии, в единственном месте, которое для нее осталось. Таким образом, в то время как сама теоретическая наука об обществе возможна, я не питаю особого оптимизма по поводу перспектив ее ближайшего осуществления.

Приложение

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА (см. прим. 3)

Следующие положения отобраны как подходящие для того, чтобы направить обсуждение на важные моменты, касающиеся возможности систематической социальной науки и природы такой науки, если она возможна. Это нынешние доктрины того, что пользуется известностью как «социология» в Парижском университете, и они во многих важных аспектах отличаются от того, что известно как социология в Америке. Наука, или дисциплина, о которой идет речь, представлена 14 томами *L'Année sociologique*, а также опубликованными и неопубликованными работами Дюркгейма, Бугле, Фоконне, Мейе, Юбера, Мосса, Герца, Дутте, Монье, Гране, Сиמיана, Хальбвакса, Буржена и др. Формулировка положений дается в терминологии, отобранной мною самим для этого случая.

Основной постулат: Мы должны исходить из того, что человеческие соглашения и артефакты (продукты человеческой деятельности) могут рассматриваться так, как если бы они были *entia naturae*. (Формулировка этого положения у Дюркгейма такова: *les faits sociaux sont des choses.*)

Каковы особые сущности, изучаемые социальной наукой?

Непосредственно наблюдаемыми данными, которыми пользуется социальная наука, являются действия (в том числе речевые акты) индивидуальных человеческих существ, действующих в одиночку или вместе, и материальные продукты таких действий.

Социальный ученый может также, интерпретируя наблюдаемые данные, определенные выше, пользоваться своим знанием тех «состояний сознания», которые он

наблюдает непосредственно только в самом себе, хотя выводит или допускает существование подобных «состояний сознания» в других индивидах.

Исходные данные социальной науки, как они определены выше, — те же, что и первичные данные психологии.

Из исходных данных социальная наука должна вычленить собственные данные. (Процесс их извлечения важен с точки зрения методологии.)

Если взять правильно отобранную совокупность индивидов, то можно, изучив их поведение, открыть некоторые *социальные обычаи*. Социальный обычай — это способ поведения, обычный для индивидов, относящихся к некоей определенной совокупности, и отличающий ее от другой совокупности.

Социальная наука интересуется *социальными отношениями* индивидов, поскольку они признаются в социальном обычае и контролируются им. (Всякий раз, когда действия индивида зависят от наличия другого индивида или нескольких индивидов, мы имеем социальное отношение.)

В подходящей совокупности индивидов целостность всех социальных отношений, признанных в социальном обычае, образует *социальную структуру*.

В такой подходящим образом отобранной совокупности индивидов мы можем, следовательно, разглядеть *социальную систему*, которая состоит из (а) социальной структуры, (б) целостности всех социальных обычаев и (в) особых способов мышления и чувствования, которые мы можем мысленно вывести или предположить (исходя из поведения и речи) как связанные с социальными обычаями и социальными отношениями, образующими структуру.

Социальная наука есть исследование природы социальных систем. Она нацелена на открытие общих положений, которые позволили бы нам понять или истолковать характеристики социальных систем.

Какого рода проблемы ставятся социальной наукой?

Для полного знания единичной социальной системы необходимы:

(1) знание ее *формы*, то есть частей или элементов, из которых она состоит, и отношений между этими частями внутри целого;

(2) знание ее *функционирования*, то есть того, что она делает или как она работает, а также того, какова функция каждой части системы в отношении функционирования целого;

(3) знание ее происхождения, то есть процесса, посредством которого она обрела существование;

(4) знание заключенных в ней возможностей будущего развития.

Проблемы и исследования социальной науки следует подразделять на *синхронические* и *диахронические*.

Диахронические проблемы — это проблемы, относящиеся к тому, как социальная система изменяется или развивается.

Синхронические проблемы — это проблемы, связанные с *формой* и *функционированием* любой социальной системы, как она существует в некий момент времени, независимо от ее прошлого или будущего развития.

Теоретическая социальная наука должна быть сравнительной

Общие положения о природе социальных систем можно получить только путем сравнения достаточно большого числа социальных систем разных типов.

Такое сравнение требует систематической классификации социальных систем. До сих пор не дано ни одной удовлетворительной классификации.

Понятие функции

В том же смысле, что и физиология, социальная наука должна (это одна из ее задач) интересоваться функцией социальных обычаев.

(Функцию необходимо строго отделить от «цели» и от «полезности».)

Функция любого социального обычая (или любого верования, идеи или чувства, то есть части социальной системы) заключается в том вкладе, который он вносит в «надлежащую» или «существенную» деятельность той социальной системы, частью которой он является. (Противоположностью «надлежащего» будет в этом смысле не «ненадлежащее», а «случайное».) Надлежащей или существенной деятельностью социальной системы является (а) обеспечение некоторой *адаптации* к особой среде и (б) обеспечение некоторой *интеграции*, то есть объединения индивидов в упорядоченную аранжировку. Функцией любого социального обычая (или верования) в данной социальной системе является вся совокупность его следствий для адаптации и интеграции.

Функция особого морального обязательства или религиозного верования (и т.д.) должна устанавливаться в отношении конкретной социальной системы, в которой оно существует. Но функция морали вообще или религии вообще должна устанавливаться в отношении социальных систем вообще.

Как интегративный механизм социальная система функционирует, контролируя поведение индивидов, формируя в них привычки мышления, чувствования и действия. Этот процесс может быть назван «культурным обусловливанием». (Наличие этого культурного обусловливания и есть то, что отличает человеческое общество от обществ других животных.)

(Процесс и результаты культурного обусловливания в двух индивидах никогда не бывают идентичными.)

Культурное обусловливание зависит от возможностей, заложенных во внутренней природе человека. Об этих возможностях мы не можем узнать иначе, кроме как наблюдая их актуализацию в социальной жизни.

Средства и цель

Социальная система лишена целенаправленности. (Если только не имеет цели мир в целом.)

Социальная система обеспечивает индивидов средствами достижения некоторых целей. Но она обеспечивает индивидов также и целями. (Культура предоставляет как инструментальные средства, так и оценки.)

То, что для индивида выступает в качестве конечных целей (например, достижение истины, красоты и добра), в социальной системе выступает в качестве средств адаптации и интеграции.

Любой элемент социальной системы и любое изменение, производимое в элементе, могут иметь «очевидную цель». Иначе говоря, значительное число членов соответствующей социальной группы может считать, что этот элемент или это изменение производят или будут производить некоторые желаемые следствия. Лишь в исключительных случаях бывает так, что «очевидная цель» обычая или изменения совпадает с его функцией.

Частью социальной системы может быть некий набор представлений о природе и «цели» социальных обычаев. Такие представления мы можем назвать «социальной теорией». (Так, совокупность общепринятых этических доктрин будет «социальной

теорией», в этом смысле.) Теоретическая социальная наука должна рассматривать такие представления как данные, подлежащие такому же исследованию, как и все прочие данные, а именно — исследованию процессов, приведших к их возникновению, а также функций, которые они выполняют (или следствий, которые они имеют для других частей социальной системы или для системы в целом).

Теоретическая социальная наука и психология

Социальная наука и психология — отдельные науки, хотя обе исходят из одних и тех же непосредственно наблюдаемых данных.

Психология изучает наблюдаемое поведение индивида в его связи с этим индивидом как сложной психофизической единицей.

Социальная наука изучает поведение индивидов в связи с некоторой конкретной социальной системой.

Изучение внутренней природы человека — задача общей психологии.

Поскольку социальные системы суть актуализации возможностей, заложенных во внутренней природе человека, то их в конечном итоге надо суметь объяснить в терминах этих возможностей. Это значит, что обобщения социальной науки могут быть, в конечном счете, объяснены через обобщения психологии. Но никакой конкретный социальный феномен так объяснить нельзя. Любое психологическое объяснение любого конкретного социального обычая несостоятельно. (Связь между социальной наукой и психологией аналогична связи между физиологией и химией.)

Процесс культурного обусловливания индивида интересует социальную науку в связи с функционированием социальной системы. Но если этот процесс рассматривается в соотнесении с тем, как он происходит в индивиде, то это относится к ведению индивидуальной психологии, или общей психологии.

Примечания

1. См. магистерскую диссертацию Адександера Григолия (Уитонский колледж, шт. Иллинойс).

2. *Nom de guerre* — «воинственным именем» (*фр.*).

3. Следующие странички были подготовлены проф. А.Р. Рэдклифф-Брауном и раздавались участникам семинара как материал для обсуждения, сопровождавшего приведенное выше основное выступление. [Примечание Фреда Эггана].

Пер. с англ. В.Г. Николаева